ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ГЛАВЕ ГОСУДАРСТВА КАК ГАРАНТЕ МИРА И СПРАВЕДЛИВОСТИ В ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИКОПРАВОВОЙ МЫСЛИ СРЕДНИХ ВЕКОВ

ЩЕРБИК Д.В.,
доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент

В статье рассматривается развитие взглядов на сущность и назначение главы государства в истории средневековой политической и правовой мысли. Прослеживается эволюция представлений о связи монархической власти с необходимостью обеспечения мира, безопасности и справедливости в обществе. Перечисляются необходимые, по мнению средневековых авторов, полномочия главы государства для реализации данной функции. Выявляются подходы, определяющие характерное для средневековой политико-правовой мысли отношение к вопросу о соотношении власти монарха и закона.

The publication examines the development of views on the essence and appointment of the head of state in the history of medieval political and legal thought. The author examines the evolution of ideas about the connection between monarchical power and the need to ensure peace, security and justice in society. He describes the views of medieval authors on the powers of the head of state necessary for the implementation of this function. The author reveals the approaches of medieval thinkers on the relationship between the power of the monarch and the law. Ключевые слова: безопасность, гарант, глава государства, закон, мир, политико-правовое учение, справедливость.

Введение

Современные конституции, в частности конституционные акты новейшего поколения, часто используют юридическую конструкцию «глава государства – гарант конституции» (например, ст. 79 Конституции Республики Беларусь, ст. 80 Конституции Российской Федерации). Могут использоваться и близкие им по значению конструкции «глава государства – гарант соблюдения конституции» (ст. 102 Конституции Украины), либо указываться, что глава государства является гарантом, который обеспечивает сохранение, незыблемость тех или иных отдельных элементов конституционного строя государства, в том числе прав и свобод человека (Российская Федерация, Украина, Беларусь и др.), суверенитета, национальной независимости, единства и территориальной целостности страны (Молдова и др.), «правильного функционирования государственных институтов» (Испания) и др.

История возникновения концепции «глава государства – гарант конституции» не получила должного внимания в юридической науке, в отличие от отдельного изучения концепций тех или иных мыслителей в истории политической и правовой мысли, исследования истории института главы государства, в том числе в истории отдельных стран. Краткий анализ истоков данной юридической конструкции рассматривался лишь в работах К.Шмитта, предваряя обоснование роли и компетенции главы государства в современной ему Веймарской республике [1].

Для формирования представлений о сущности современной доктрины «глава государства – гарант конституции» обратимся к ее корням, а именно к изучению концепций монархической власти в Средние века через призму обязанности главы государства обеспечивать сохранение устоев общества и выявления тех полномочий, которые, по мнению средневековых авторов, были ему необходимы для реализации данной функции.

Основная часть

Традиция связывать главу государства с обеспечением стабильности государства и общества восходит к древности. Так, уже в начале V в. епископ Синезий Киренский в своем известном обращении к императору отмечает: «Тот, кто соединяет свои интересы с благом подданных, кто готов страдать, чтобы оградить их от страданий, кто подвергается за них опасности, лишь бы только они жили в мире и безопасности, кто бодрствует днем и ночью, чтобы им не было причинено никакого вреда, тот – пастух для овец, государь для людей…» [2, с. 56]. Мирное существование государства предполагало обеспечение единства общества, что в условиях Средних веков являлось сущностной необходимостью.

Фома Аквинский, размышляя над обязанностями власти, указывал: «Намерение любого правящего должно быть направлено на то, чтобы он заботился о благе того, что принял под управление. … Благо же и спасение соединенной совокупности в том, чтобы сохранялось ее единство, называемое миром; если же мир пропадает, то гибнет польза от жизни в общении, и сама совокупность в состоянии раздора становится обременительной для себя. Итак, вот к чему должен более всего стремиться правитель совокупности, – к тому, чтобы сохранить единство мира» [3, с. 102]. В те времена распространился и сам термин «защитник мира», наиболее прославленный одноименным произведением М.Падуанского [4].

Истоки власти главы государства, ее обусловленность обязанностью хранить мир и единство общества средневековые авторы связывали с историей возникновения государства. Так, Бомануар, автор «Кутюмов Бовези», обосновывает необходимость государства и власти монарха враждой между людьми: «… вначале все были свободны и равны, ибо каждый знает, что все мы произошли от одного отца и одной матери. Но когда народы стали прибывать, возникли войны и ненависть, причиной их стали гордость и зависть – они тогда правили [людьми] и привели к тому, что отсутствовало [чувство] долга. Те общины в народе, которые имели желание жить в мире, увидели, что они не смогут этого добиться, если каждый желает быть таким же великим господином, как другой. Тогда избрали короля и сделали его своим сеньором» [5, с. 459]. В данном произведении перечисляются полномочия главы государства, с помощью которых он обеспечивает мир: «… король является сувереном над всеми и располагает правом высшей охраны всего своего королевства. И по этой причине он может делать для общего блага (le commun pourflt) любые установления, какие захочет; и то, что он установил, должно соблюдаться… дали ему [королю] власть судить за их преступления, управлять ими и делать установления над ними. Для того чтобы он мог обезопасить народ от врагов и плохих судей, нашли между собой тех, которые были более красивыми, сильными и мудрыми, и дали им власть над собой при условии, чтобы помогали бы им жить в мире, а также помогали королю их опекать» [5, с. 459].

Справедливость и правосудие наряду с миром выступали в те времена устоями, необходимыми для нормального существования общества. Их сохранение и обеспечение также являлось обязанностью главы государства. Так, уже в V в. в Эдикте короля остготов Теодориха связывается «всеобщее спокойствие» и пресечение нарушений закона [6, с. 50], а в VIII в. византийские императоры в «Эклоге» подтверждали: «Мы полагаем, что ничем не можем воздать Богу должное скорее и лучше, чем управлением доверенными им нам людьми – согласно закону и с правосудием» [7, с. 104].

В XII в. Фридрих II, объявляя имперский земский мир, следующими словами подтверждает связь обеспечения существования страны с сохранением мира и справедливости: «Мы озаботились укреплением нашим мероприятий по управлению подвластными (нам людьми) двойною скрепой – мира и справедливости, дабы благодаря этому тем приобрело себе известность имя наше, что ему послужило бы к славе, подданным же ко спасению. Ибо тем главным образом укрепляется власть государя, когда, оберегая мир и осуществляя справедливость, она является столь же страшной для

злонравных, сколь желанной для добронравных. Посему настойчиво заботясь в целях управления полученным нам государством о том, чтобы в наши счастливые времена крепко держалось над подчиненными нам народами империи кормило мира и справедливости» [8, с. 433]. Ибо как же иначе сохранить единство общества, не обеспечивая в то же время разрешения конфликтов? Еще более четко данная мысль сформулирована в «Семи партидах» короля Альфонсо: «Справедливость есть одна из вещей, которыми лучше и надежнее всего поддерживается мир. Она подобна источнику, из которого проистекают все права. И справедливость присутствует не только в тяжбах, которые ведут между собой истцы и ответчики в суде; но и во всех остальных отношениях между людьми, строятся ли они на словах или на делах» [9, с. 163].

Отметим, что исследователи последнего из упомянутых средневековых документов указывают четкую взаимосвязь справедливости и правосудия. Последнее представляло в глазах кастильских юристов частный случай проявления справедливости, «которую наш Господь Бог должен был дать этому миру, чтобы люди жили в мире и любви» [9, с. 158]. Божественная справедливость, врученная в руки главы государства, который должен был вершить ее «за Бога в делах земных, воздавая каждому по праву, согласно его заслугам», предполагала, как отмечают исследователи, как карательное проявление («… имеет власть творить справедливость и наказание» [10, с. 133]), так и обязанность правителя «дать каждому его право» [10, с. 137], т.е. обеспечить возможность реализации совокупности известных конкретных прав и обязанностей индивида, согласно тому, что каждый «заслуживает», «что ему подобает на его месте» [10, с. 138].

Таким образом, именно главу государства видели средневековые юристы в качестве гаранта устоев общества и государства: мира, правосудия и справедливости. Для реализации данной обязанности монарх наделялся необходимыми полномочиями, которые относятся ко всем сферам государственной власти. Так, если снова обратимся к Испании, он «может создавать новый закон и фуэро и менять старый», прояснять «затемненный закон», может «пресечь использующийся обычай, когда поймет, что он был вреден, и сделать новый, который будет добрым» [10, с. 130]. Кроме законодательных, он обладает судебными функциями («и еще имеет власть вершить справедливость/правосудие и наказание во всех землях»), а также компетенцией в области управления и военного дела: «он имеет власть накладывать портазго (сборы) и назначать ярмарки», «по его повелению… должна… чеканиться монета», «он один… властен разделить пределы провинций и городов», он «должен разбирать… когда случится столкновение из-за привилегий», «ему одному принадлежит власть назначать аделантадо и судей в земли», «взимать… подати, и налоги, и цензы», «по его повелению должны совершаться война, перемирие и мир» [10, с. 130]. Отметим, что «Семь партид» уточняют, что наибольшей власти достигнет монарх, который при этом «любит свой народ и любим им» [10, с. 131].

Мельфийские конституции (1231 г.) обосновывают подобные широкие полномочия монарха ссылкой на пример из древнеримской истории: «после длительного совещания и тщательного обсуждения Квириты по царскому праву передали римскому императору право создания законов и власть над империей, чтобы он, взяв на себя это бремя, владычествовал над народами, чтобы он был источником и защитником правосудия. Поэтому можно убедиться: не только полезно, но и необходимо, чтобы правосудие подкреплено было силой, а сила – правосудием, поскольку в лице государя слиты и то, и другое – источник права и его защита. Итак, Цезарь должен стать отцом и сыном правосудия, его господином и слугой, отцом и господином в издании законов и в контроле за их соблюдением; в почитании правосудия да будет он сыном и в служении его процветанию – слугою» [11, с. 494].

Но связан ли сам законами обладающий столь значительными полномочиями для поддержания мира средневековый монарх? Политико-правовая мысль того времени предлагала два подхода к решению данного вопроса. В соответствии с первым, правитель

не обязан следовать законам, но делает это добровольно. Так, Э.Канторович в своем исследовании следующим образом интерпретирует позицию И.Солсберийского: «Он свободен и «не связан законами», поскольку «ожидается, что он действует на основе своего врожденного чувства справедливости», и потому что он обязан ex officio почитать закон и правосудие из любви к справедливости, а не из страха перед наказанием. На нем нет вины, когда он в качестве судьи проливает кровь, ибо то, что он совершает как судья, он делает будучи «слугой общественной пользы» и ради общего блага» [12, с. 173].

Однако впоследствии данный подход привел к абсолютизации роли главы государства как столпа, на котором зиждется существование страны. Внутренние преграды личности монарха к нарушению законов явно проигрывали восприятию им своего всевластия в земной жизни. Данная позиция получила несколько позже развитие в абсолютистских монархиях Западной Европы. Свое воплощение она получила в речи Якова I в парламенте: «… короли справедливо называются Богами, так как они осуществляют образ или подобие Божественной власти на земле: потому что если рассмотреть характерные признаки Бога, то будет видно, как они сходятся в личности короля. Бог имеет власть создавать или разрушать, совершать или не совершать по своей воле, даровать жизнь или насылать смерть, судить всех и никому не быть ни подотчетным, ни подсудным, возвышать низкое и делать высокое низким по своей воле, и Богу обязаны как души, так и тела. И подобной властью обладают короли: они создают и уничтожают своих подданных (they make and unmake their subjects); они имеют власть возвышать и свергать; над жизнью и смертью: судить всех своих подданных и во всех случаях, и при этом не подотчетны никому, разве только Богу. Они обладают властью возвышать низкое и низводить высокое, и могут делать со своими подданными то, что делают люди с пешками и фигурами при игре в шахматы» [13, с. 56]. Ему вторил идеолог английского абсолютизма Филмер: «Прерогатива короля – быть выше всех законов; нет законов без высшей власти, которая управляет ими или создает их; король – единственный непосредственный творец, критик и вершитель всех законов; … парламент – это двор короля, палаты общин – это только часть государства, главой и правителем которого является король; законы, принимаемые в парламенте, могут быть приостановлены или отменены королем по мотивам, известным только ему» [14, с. 258–259].

Однако даже уподобляясь Богу, абсолютизируя свои полномочия и вознося свою власть над законом, английские монархи все равно были полны осознания своей миссии – сохранения мира и порядка. Так, в своем выступлении 30 ноября 1601 г. перед парламентариями королева Елизавета Английская утверждала: «И так как Я есть та Персона, которая все еще пребывает под властью Бога, то поэтому заявляю вам торжественно: мне доверено Всемогущей Властью Бога быть его Инструментом для предохранения вас от зависти, опасности, бесчестия, позора, тирании и насилия…» [13, с. 57]. Преемник Елизаветы на королевском престоле Яков I также осознавал основополагающий и созидающий характер своей власти. Раскрывая парламентариям свое понимание королевской власти, он подчеркивал, что «вся эта власть предписана Богом ad aedificationem, non ad destructionem (для созидания, не для разрушения). Потому что, хотя Бог имеет власть как разрушения, так и созидания или защиты, не будет согласно с разумом Бога применять свою власть в разрушении природы» [13, с. 57].

Завершение оформления данного подхода можно увидеть уже в XVII в. в концепции Т.Гоббса, который именно выживание общества связывал с существованием сильной воплощенной в монархе власти государства: «Государство есть единое лицо, ответственным за действия которого сделало себя путем взаимного договора между собой огромное множество людей, с тем чтобы это лицо могло использовать силу и средства всех их так, как сочтет необходимым для их мира и общей защиты» [15, с. 133]. Власть главы государства (монарха) в наибольшей степени, по мнению мыслителя, обеспечивает базовые ценности общества – «водворение мира и обеспечение безопасности» [15, с. 145–

149], причем форма правления должна быть неизменной, власть неделимой, неподсудной и неотчуждаемой, обладать полномочиями в сфере законотворчества, правосудия, объявления войны и заключения мира, назначения гражданских и военных должностных лиц, вознаграждения за службу [15, с. 134–143].

Однако попытка реализовать подобные проекты, выстроить реальный абсолютизм, расширить свои полномочия за счет ординарной прерогативы, т.е. тех полномочий, которые королевская власть ранее осуществляла вместе с парламентом, натолкнулась на противодействие английского общества и парламента. Даже во Франции, где абсолютизм укоренился, монарх все равно оставался связан как основными законами королевства, неписанными, священными и подлежащими всеобщему соблюдению традициями, так и менее важными, но все же длительное время ограничивавшими короля кутюмами провинций [16, с. 61, 65].

Вторая модель соотношения власти монарха и закона отражена уже в «Саксонском зерцале»: «Каждый может далее оказывать сопротивление противоправным действиям своего короля или своего судьи и даже оказывать помощь в обороне от них всяким способом, хотя [т.е. даже если] это направлено против своей обязанности верности» [17, с. 111]. Данная позиция могла проистекать из особой интерпретации органической концепции государства, в соответствии с которой голова-правитель обязан все же исходить из важных для всех остальных органов-сословий законов. Э.Канторович в данной связи приводит пример из истории Англии, когда в 1401 г. перед закрытием парламента спикер палаты общин счел уместным сравнить политическое тело королевства с Троицей: король, духовные и светские лорды и общины вместе составляют троицу в единстве и единство в троице [12, с. 328]. При этом существовало понимание элемента естественности в позитивном праве, которое должно было приниматься в результате разумного обсуждения с советниками, как земного проявления естественного права в традициях, включающих в себя права клира, магнатов и народа [12, с. 237]. Распространена была и метафора брака короля и народа как аналогия с утвердившейся метафорой о браке Христа и Церкви, а значит, договорных отношений между ними.

Уже Данте Алигьери, отстаивая позицию, что наибольшее благо человеческое – жить в мире на основе справедливости [18, с. 40] – наилучшим образом реализуется в монархии [18, с. 30–31, 33, 36], при этом уточнял: «… правильные государственные устройства имеют целью свободу, т.е. имеют целью, чтобы люди существовали ради самих себя. Ведь не граждане существуют ради консулов и не народ ради царя, а, наоборот, консулы ради граждан и царь ради народа. Ведь так же как государственный строй не устанавливается ради законов, а законы устанавливаются ради государственного строя, так и живущие сообразно законам не столько сообразуются с законодателем, сколько этот последний сообразуется с ними… Отсюда явствует также, что хотя консул или король, если говорить о них, имея в виду движение к цели, являются господами над прочими, то с точки зрения самой цели они являются слугами, в особенности же монарх, которого, без сомнения, надлежит считать слугою всех. Отсюда можно также понять, что монарх по необходимости сообразуется с целью, стоящей перед ним при установлении законов» [18, с. 43–44].

Еще дальше пошел в своих размышлениях Марсилий Падуанский, который передал законодательную власть народу, а монарха рассматривал как правителя и судью: «Законодателю следует определять и устанавливать части (службы) государства и их обязанности, но право на судопроизводство и руководство всеми ими согласно закону принадлежит правителю» [4, с. 154]. Законное правление монарха должно преследовать вознаграждение законопослушных и наказание преступников. «Тем самым правитель сохранит в надлежащем состоянии каждую часть государства и в итоге предохранит его [государство] от вреда и несправедливостей» [4, с. 155]. В обратном же случае, если их (людей) отношения не будут регулироваться по справедливости правителем, в обязанность которого в соответствии с законом входит пресечение конфликтов, то

«произойдут войны и разделение человеческого сообщества и в конце концов распад государства и одновременно утрата нормальной жизни его жителей» [4, с. 152].

Развитие подобные идеи получили в период Реформации. Так, представители гугенотской партии во Франции исходили из договорной природы взаимодействия короля и народа [19, с. 66]. Например, Ф.Отман утверждал: «… мы убеждены… в том, что безграничная и необузданная власть не была дозволена королям Франкогаллии их подданными; а потому нельзя утверждать применительно к ним, что государи свободны от всех законов. Скорее, напротив, они как бы обуздываются определенными законами и соглашениями…» [20, с. 178], а затем перечислял 8 законов страны, нарушение которых королем не допускалось [20, с. 178–186]. Подобные идеи, что интересно, воспринимала и католическая партия, отвергая лишь религиозные идеи своих оппонентов [19, с. 77].

Вместе с идеями Реформации данная политическая доктрина расцвела в ВКЛ и Польше, где в середине XVI в. знаменитый мыслитель А.Ф.Моджевский в своем труде «Об исправлении государства» отмечает: «Пусть знают короли, что они для народа, а не народ для них суть поставлены» [21]. Через 20 лет подобные мысли высказывает и неоднократно избиравшийся послом на сейм, а впоследствии и королевский секретарь А.Волан: «Зразумела, што і ў нашым грамадстве каралеўская ўлада дзейнічае ў праслах пэўных абмежаванняў. Кароль не мае права ўстанаўліваць якія-небудзь законы без адпаведнай згоды ўсяго народа. Перш чым атрымаць стырно кіравання дзяржавай, кароль падчас каранацыі павінен прысягнуць народу і ўрачыста абяцаць, што ніколі і нічога не зробіць насуперак існуючым законам. А калі ён нешта падобнае ўчыніць і яго рашэнні і пастановы парушаць вернасць і святасць прысягі, у такім выпадку яны не будуць лічыцца правам і не набудуць ніякай сілы» [23, с. 97].

А.Волан формулирует уже целую программу по ограничению королевской власти. Он предлагает лишить монарха возможности назначения на государственные должности [22, с. 69], ограничить доступ к государственной казне [22, с. 69–70], сузить судебные прерогативы короны [22, с. 71]. В XVII в. подобные идеи приведут к Английской революции.

Заключение

Таким образом, в Средние века политическая и правовая мысль тесно связывала сущность власти главы государства и его обязанности по сохранению важнейших устоев общества и государства, к которым прежде всего относились мир (единство) и безопасность, справедливость и правосудие. Для обеспечения основ общественного устройства правитель получал широкий спектр полномочий как в области правотворчества, толкования права, правосудия, управления, так и в области налогообложения и верховного военного командования. Основное противоречие в средневековой мысли формировалось по вопросу о соотношении власти монарха и закона. Для решения данной проблемы средневековые мыслители сформулировали два подхода, развитие которых впоследствии, уже в XVII в., приведет к столкновению различных моделей государства – абсолютной монархии и монархии ограниченной представительным правлением.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Шмитт, К. Гарант конституции / К. Шмитт // Государство: Право и политика / пер. с нем. и вступ. ст. О. В. Кильдюшова ; сост. В. В. Анашвили, О. В. Кильдюшов. – М. : Изд. дом «Территория будущего», 2013. – С. 27–220.

2. Синезий Киренский О царстве / Синезий Киренский // Полное собр. соч. : в 2 т. – Санкт-Петерб. : Свое издательство, 2012. – Т. 1. – С. 51–85.

3. Аквинский, Ф. О королевской власти к королю Кипра, или О правлении князей / Ф. Аквинский ; пер. и коммент. А. Марей // Социолог. обозрение. – 2016. – Т. 15. – № 2. – С. 96–128.

4. Марсилий Падуанский. Защитник мира. Defensor paris / Марсилий Падуанский ; пер. с франц. Б. У. Есенова ; науч. ред., вступит. ст. , примеч. Г. П. Лупарева. – М. : Издательско-торговая корпорация «Дашков и Ко», 2014. – 656 с.

5. Бомануар, Ф. Кутюмы Бовези / Ф. Бомануар // Антология мировой правовой мысли : в 5 т. / Нац. обществ.-науч. фонд ; рук. науч. проекта Г. Ю. Семигин. – М. : Мысль, 1999. – Т. II. Европа : V–XVII вв. – С. 453–463.

6. Эдикт короля остготов Теодориха // Антология мировой правовой мысли : в 5 т. / Нац. обществ.-науч. фонд ; рук. науч. проекта Г. Ю. Семигин. – М. : Мысль, 1999. – Т. II. Европа : V–XVII вв. – С. 50–55.

7. Избранные законы – Эклога // Антология мировой правовой мысли : в 5 т. / Нац. обществ.-науч. фонд ; рук. науч. проекта Г. Ю. Семигин. – М. : Мысль, 1999. – Т. II. Европа : V–XVII вв. – С. 104–117.

8. Имперский земский мир Фридриха II 1235 года // Антология мировой правовой мысли : в 5 т. / Нац. обществ.-науч. фонд ; рук. науч. проекта Г. Ю. Семигин. – М. : Мысль, 1999. – Т. II. Европа : V–XVII вв. – С. 433–437.

9. Клейне, М. Образы королевской власти в творчестве Альфонсо X: Rex iustus / М. Клейне // Исторический вестник. – М. : Руниверс, 2015. – Т. 12 [159] : Альфонсо X : Политика и право ; под общ. ред. А. В. Марея. – С. 150–199.

10. Варьяш, И. И. Власть короля и королевское право в «Семи партидах» Альфонсо Мудрого / И. И. Варьяш // Исторический вестник. – М. : Руниверс, 2015. – Т. 12 [159] : Альфонсо X : Политика и право ; под общ. ред. А. В. Марея. – С. 122–149.

11. Мельфийские конституции (1231 г.) // Антология мировой правовой мысли : в 5 т. / Нац. обществ.-науч. фонд ; рук. науч. проекта Г. Ю. Семигин. – М. : Мысль, 1999. – Т. II. Европа : V–XVII вв. – С. 492–495.

12. Канторович, Э. Х. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии / Э. Х. Канторович ; пер. с англ. М. А. Бойцова и А. Ю. Серегиной. – 2-е изд., испр. – М. : Изд-во Института Гайдара, 2015. – 752 с.

13. Томсинов, В. А. Юридические аспекты английской революции 1640–1660 годов. Период конституционной борьбы: ноябрь 1640 – август 1642 года : учеб. пособие / В. А. Томсинов. – М. : Зерцало+М, 2010. – 264 с.

14. Шарифжанов, И. И. Корона и парламент в Англии XVII века: королевская прерогатива или суверенитет парламента? / И. И. Шарифжанов // Ученые записки Казан. ун-та. Гуманитар. науки. – 2013. – Т. 155. Кн. 3, ч. 1. – С. 256–262.

15. Гоббс, Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского / Т. Гоббс // Сочинения : в 2 т. / сост. , ред., авт. примеч. В. В. Соколов ; пер. с лат. и англ. – М. : Мысль, 1991. – Т. 2. – С. 3–545.

16. Метивье, Ю. Франция в XVI–XVIII вв. от Франциска I до Людовика XV / Ю. Метивье ; пер. с фр. А. В. Голубкова, С. В. Панова. – М. : АСТ : Астрель, 2005. – 190 с.

17. Саксонское зерцало. Памятник, комментарии, исследования / отв. ред. В. М. Корецкий ; ред. кол.: Г. А. Аксененок [и др.]. АН СССР. Ин-т государства и права. – М. : Наука, 1985. – 273 с.

18. Данте Алигьери. Монархия / Данте Алигьери ; пер. с итал. В. П. Зубова ; коммент. И. Н. Голенищева-Кутузова. – М. : КАНОН-пресс-Ц : Кучково поле, 1999. – 192 с.

19. Ливе, Ж. Религиозные войны / Ж. Ливе. – М. : ООО «Издательство Астрель» : ООО «Издательство АСТ», 2004. – 160 с.

20. Отман, Ф. Франкогаллия / Ф. Отман ; публ., вступ. ст. , коммент. И. Я. Эльфонд. – М. ; СПб. : Центр гуманитар. инициатив, 2015. – 280 с.

21. Modrzewski, A. F. O poprawie Rzeczypospolitej [Электронный ресурс] / A. F. Modrzewski // Wolne Lektury. – Режим доступа: https://wolnelektury.pl/katalog/lektura/o–poprawie–rzeczypospolitej.html. – Дата доступа: 08.07.2021.

22. Волан, А. Прамова да Сената Каралеўства Польскага і Вялікага Княства Літоўскага, або Якім павінна быць праўленне дабрачыннага караля (1573) / А. Волан // Белорусские мыслители XVI–XVII вв. : избр. тр. – Минск : Редакция журнала «Промышленно-торговое право», 2017. – С. 63–71.

23. Волан, А. Аб грамадзянскай, або палітычнай свабодзе / А. Волан // Белорусские мыслители XVI–XVII вв. : избр. тр. – Минск : Редакция журнала «Промышленно-торговое право», 2017. – С. 82–157.

Дата поступления в редакцию: 15.09.2021

Материал предоставлен для включения в электронную библиотеку научных работ в области права Национальным центром законодательства и правовых исследований Республики Беларусь